

«НАМ ВОЛЬНОСТЬ ПЕРВЫЙ ПРОРИЦАЛ...»

Георгий ШТОРМ

СВЕРХТАЙНОЕ ХРАНИЛИЩЕ

В архивном деле, как и во всякой другой науке, время от времени как бы происходят тектонические сдвиги: исследователям открываются новые горизонты, а старая почва ускользает из-под ног.

Каждый такой сдвиг связан с так называемой репрезентативностью источников — степенью представленности документов и фактов по данной теме; сдвиг происходит и тогда, когда известного оказывается меньше, чем неизвестного, и явление начинает походить на айсберг, большая часть которого — под водой.

Размышляя над документальными материалами дела об А. Н. Радищеве, я не мог не перебрать в памяти суждений исследователей, занимавшихся этим делом на протяжении без малого ста лет.

Начало его изучению положил внук декабриста В. Е. Якушкин. В 1882 году в № 9 журнала «Русская старина», анализируя ответ Радищева на предложенные ему «вопросные пункты», он отметил «слабость» писателя, проявленную при допросе. Спустя семь лет точно так же расценил ответы Радищева в своих «Исследованиях и статьях» М. И. Сухомлинов. Советский же исследователь И. П. Вороничин отозвался еще более резко о поведении Радищева на следствии, утверждая, что «свое гражданское мужество и чувство собственного достоинства он оставил у порога тюрьмы».

Между тем некоторые важнейшие особенности этого допроса не выявлены в литературе и до сих пор остаются в тени.

Автограф первичных показаний Радищева, данных им, как можно предполагать, со 2 по 5 июля 1790 года, нам неизвестны. Мы имеем дело только с копиями вторичных его показаний 8, 9 и 10 июля, являющихся результатом моральной (но, возможно, и физической) «обработки» писателя, а также редактирования его ответов переписчиком. Две из трех этих копий (в Ленинградском фонде Вороничина) имеют подписи-авторграфы: «Александр Николаев сын Радищев руку приложил».

Но обратим внимание на одно очень важное место в ответах Радищева.

После 29-го — последнего — пункта допроса помещена вставка переписчика: «Наконец заключил следующими словами: ... и далее радищевский текст: ... что означал я (то есть пояснил, подготавливал к решению суда. — Г. Ш.) вышеописанные пункты, то признаюсь чистосердечно, что я исполнял только волю всемогущественнейшей государыни» (подчеркнуто мною. — Г. Ш.). Затем идет просьба о помиловании ради престарелых родителей и малолетних детей.

Так, прикрывшись, с одной стороны, смиреннейшей, с покаянной интонацией фразой («признаюсь чистосердечно»), а с другой — просьбой о помиловании, Радищев одним махом зачеркнул свои показания.

Нет, однако, нужды изображать Радищева и каким-то русским Гераклом, обезглавливающим гиду царя. Все было гораздо сложнее и человечнее. Много лет спустя в письме к А. Р. Воронцову он писал:

«...человек всегда платит дань человеческой природе, слабой и отягощенной страданиями, и совершенный стоицизм есть не более как химера или, самое большее, философская гордыня». Но при всей уникальности и горечи этого признания Радищев хотя и «платил дань человеческой природе», но, как мы видели, ее побеждал...

Ответы Радищева, еще не «очищенные» от спасительных для него двусмысленностей, составили наискорейшую часть допроса. И она исчезла. Следовало предположить: не попала ли эта часть в личный архив обер-следователя Шешковского и не хранил ли он такой архив у себя дома?

Мысль о том, что подобный архив, быть может, существовал, высказал много лет назад еще А. Н. Попов в сборнике Русского исторического общества (т. II, 1868). Просматривая в архиве черновые бумаги Тайной экспедиции, я смог полностью подтвердить это предположение, счастливо обнаружив неоцененной важности документ.

Имеющий как первый министр высшее наблюдение над Тайной экспедицией, генерал-прокурор А. Н. Самойлов писал в декабре 1796 года вновь назначенному генерал-прокурору А. Б. Куракину:

«После кончины тайного советника Шешковского (умер в 1793 г. — Г. Ш.) имел я в своем архиве его величества покойной государыни повеления ехать к нему в дом и, будучи найдены там какие бумаги, принадлежащие до Тайной экспедиции, то их запечатать, что я и исполнил, а так как после вышеупомянутого тайного советника не оказалось под ним ни одного чиновника, а были только два, исправляющие должность писцов, низкого звания, то угодило было ее императорскому величеству повелеть мне, дабы я все означенные мною в доме его бумаги взял бы к себе и хранил бы у себя в доме... А ныне же, когда по соизволению его императорского величества Тайная экспедиция вернется на начальство вашего сиятельства, все вышеописанные бумаги имею препроводить к Вам, милостивый государь...» (ЦГАДА, Госархив, разр. VII, дел. 2049).

Хранение Шешковским особо важных и секретных бумаг у себя на дому имело особый смысл. У него в Петербурге было три дома; из них главный — в Коломне, у Калинин моста. Это был его личный домовый застенок, с замысловатым пыточным устройством, штатом заплочных мастеров и подмастерьев и, видимо, охраняемый воинской командой. По преданию, Шешковский допрашивал там Княжнина.

Какие же бумаги хранились в этом архиве? Несколькими найденными мною внутренними описями позволяют ответить на этот важный для науки вопрос.

Можно сказать без преувеличения: в личном архиве Шешковского хранилась наиболее секретная часть почти всех русских политических процессов второй половины XVIII века — эта часть документальных материалов не попала в поле зрения исследователей и в настоящее время находится неизвестно где.

Особо секретные бумаги после просмотра императрицей передавались Шешковскому. После его смерти традицию домашнего хранения секретных бумаг продолжили генерал-прокуроры. Обнаруженные описи содержат перечни дел, передававшихся одним генерал-прокурором другому. Рамки газетной статьи не позволяют привести этот реестр полностью: всех та-

ких дел, числящихся за Тайной экспедицией, было свыше тридцати.

То были дела и бумаги Новикова, Попова, Грузинова, Рахманинова, Кречетова, Радищева и других «государственных преступников», причем собранных бумаг, среди которых не могло не быть относящихся к радищевскому процессу, значилось не менее пяти.

Таковы: «Записки к Шешковскому генерал-прокурора Самойлова» (курировавшего дело Радищева и бывшего в этом деле посредником между обер-следователем, сенатом и Екатериной II); «Записки» (Самойлова) такого же содержания; «Бумаги, препровожденные Екатериной II к Шешковскому». (Собрание доку-

им) П. А. Вяземскому, и тот разрешил А. Н. Попову их опубликовать.

Выявленные обстоятельства заставляют задуматься над соотношением известного и неизвестного в деле Радищева, то есть о недостаточной достоверности части опубликованных радищевских материалов из-за их явной неполноты.

ЗАГАДОЧНАЯ СТАТЬЯ

П. Е. Щеголев, публикуя в декабре 1908 года статью «Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева», обещал в ближайшем же время дать разработку этой темы в особом исследовании. Но при жизни его исследование не вы-

сказывалось в неутешительной, скорее всего радищевской, необыкновенной статье. Напечатанная в 1797 году в 13-й части журнала «Приятное и полезное препровождение времени», прикритая серой, нейтральной поэзией и прозой, она осталась незамеченной, несмотря на необычную свою яркость, значительно сокращая, несомненно радищевский дух и глубину идей.

Статья прославляла путешествие как способ ознакомления с жизнью народов и «путешественный» жанр рассказа об этом. Она так и называлась: «Путешествия», и, будучи анонимной, не позволила А. Н. Неустрову в его капитальных «Разысканиях» раскрыть фамилию автора; пришлось вместо нее поставить вопросительный знак.

«Путешественники для философов точно то, что аптекари для медиков», — таким неожиданным утверждением начинается эта статья. — На известия, доставляемые первыми, философы утверждают свои системы, по фармакопее последних медиков предписывают свои рецепты. Если аптекари ложно выдают лекарства, то часто больные оттого умирают, если путешественники лгут, то философы выводят из того нелепые рассуждения.

Автор сразу же «берет быка за рога» — он говорит о способах рассуждать о действительности, о системах мышления, о мировоззрениях, о необходимости правдиво изображать жизнь.

Итак, — продолжает он, — роль путешественника значнее, нежели многие думают: она требует вместе честности и сведений (мы назвали бы сейчас — информации). И делает многозначительный вывод: «...путешествия, по моему мнению, — это то, что человек, который умеет ее читать».

Текст статьи как будто не вызывает сомнений в том, что это не перевод, а произведение оригинальное, русское и притом выработанное. Иностранцы так о своей земле не писали.

Автора же статьи кровно интересовало изображение своей страны.

Но он осторожен и не подчеркивает этой цели. Напротив, расширяя кругозор путешественника, он говорит о пользе познания чужих краев (как сказали бы мы, о пользе «культурного обмена»), взаимного духовного обогащения народов разных стран.

Он только возражает против посылки за рубежом наемных и недорослей, ибо это значит «выказывать перед чужестранцами скудоумие и неспособность и подвергать чрез то нацию, по многим качествам превосходящую и во многих членах своих просвещенную, чтоб сущи о ней по таким глупцам».

И далее развивая свою мысль с необыкновенным благородством, достоинством и с чисто просветительской широтой:

«Мне кажется, что не иной имеет право ехать из чужестранцам требовать отчета в их памятниках и просвещении, как только тот, кто может взамену дать им некоторые ясные идеи о художествах собственной нации, о нравах, о свойствах климата и главных основаниях правления».

НОВОЕ О РАДИЩЕВЕ

ментальных материалов исключительной важности. По всей вероятности, Екатерина «препроводила» Шешковскому накопившиеся у нее бумаги, когда были закончены два главных процесса ее царствования — Радищева и Новикова, то есть в 1791 году.)

В описи этого сверхтайного архива значилось также дело надворного советника Вальца (И. И. Вальц, секретарь вице-канцлера Безбородко, был сослан в Пензу за хранение экземпляра «Путешествия», поданного ему Радищевым).

Фигурировали в описи и «несколько коррентурных листов книги «Путешествие из Петербурга в Москву».

В конце царствования Павла I они были истреблены (ЦГАДА, Госархив, разр. VII, д. 2048, ч. II).

В переписке генерал-прокурора Самойлова и Екатерины II с Шешковским и прежде всего в препровожденных ему к нему бумагах, весьма вероятно, должны были находиться первичные показания Радищева на допросе, письмо к нему в крепость Е. В. Рубановской, правленный ранний вариант «Вольности», пересланный Екатериной II Шешковскому, и немалое количество самого непредвиденного содержания радищевских документов. Но о них мы пока ничего сказать не можем. Никто из исследователей никогда не видел этих бумаг.

Из архива Шешковского лишь несколько дел поступило в Тайную экспедицию. Кроме того, часть бумаг Новикова в 20-х годах XIX века «досталась» от статс-секретаря П. С. Молчанова (то есть, видимо, была продана

пло. Известно только название этой работы: «Общество друзей словесных наук».

Во главе названного общества, как известно, стояли две несравнимые по своему общественному и литературному значению фигуры: А. Н. Радищев и М. И. Антоновский, переводчик с французского, немецкого и других иностранных языков. «Друзья» издавали журнал «Беседующий гражданин»; в его декабрьской книжке за 1789 год была напечатана статья Радищева «Беседа о том, что есть сын отечества». Когда Радищев был арестован, Екатерина II затребовала список членов всех столичных обществ — научных, литературных и прочих; многие из них были смещены с занимаемых должностей и высланы из столицы, в первую очередь — «друзья словесных наук».

В литературе не отмечено, что Радищев посвятил написанный им в Илимске философский трактат «О человеке» «друзьям» своим и при этом подчеркнул, что любит их «по-прежнему». Нет сомнения, что он имел в виду не просто друзей — каких-то своих добрых знакомых, а именно членов упомянутого общества. Слова же его «люблю вас по-прежнему» означали, что остаются в силе те идейные и морально-этические основы, которые связывали их в недавние времена.

«Друзья» снова появились в столице в конце 1795 года, причем появление их было достаточно дерзким. В Петербурге, в Академии наук, вышел двухтомный (в пяти частях) труд «Новейшее повество-

вание землеописания всех четырех частей света» (Австралия только осваивалась). Это был опыт сравнительно — исторической географии мира и статистического описания России, чего «никогда еще не бывало».

В предисловии сообщалось, что труд этот подготовлен давно, когда составители его еще издавали журнал «Беседующий гражданин», и что они надеются доставить этим изданием удовольствие «самому низкому сословию соотечественников». Короче — «Новейшее землеописание» выпустили «друзья».

«Землеописание» в основном было переводом с немецкого издания вполне благонамеренного сочинения С.-Ф. Остервальда, но имело в разделах русской истории и Французской революции несколько оригинальных, добавленных составителями «крамольных» страниц.

О по этому делу угодил в Тайную экспедицию секретарь «Общества друзей словесных наук» Антоновский. Допрашивал его сам генерал-прокурор Самойлов — допытывался о связях переводчика с Гамалеями и Баженовым, то есть с окружением Новикова, Антоновский, то ли из тщеславия, то ли из благодарности, назвался «сочинителем» «Землеописания», взяв всю вину на себя одного.

О «Новейшем повествовательном землеописании» имеется целая литература. О нем писали и в XIX, и в XX столетиях. В. П. Семенов осторожно намекал на возможность участия в этом труде Радищева. А Д. С. Бабкин даже указал страницы, написанные, по его мнению, Радищевым, и привел ряд убедительных цитат.

Все это или почти все хорошо известно. Неизвестным является продолжение истории этого издания, от-

Весной 1790 года секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий записал в своем дневнике: «Открывается подзвонение на Радищева. Сказывали изволила, что он бунтовщик хуже Пугачева». Так начинаются трагические страдания в судьбе первого русского революционера. А. Н. Радищев — конфискации «Путешествия из Петербурга в Москву», арест, заключение в Петропавловскую крепость, изурительные допросы, смертный приговор, «всемирно-исторический» замененный ссылкой в сибирский острог Илимск.

А после смерти А. Н. Радищева вокруг его имени — борца и мученика революции — складывается унылая легенда: будто он, арестованный за свою девятую книгу, вел себя молчаливо, а по возвращении из Сибири вовсе пал духом и стал уповать на царя.

Эта легенда возникла в XIX веке, созданная усилиями буржуазных историков литературы, и перекочевала в XX век. Покров тайны, лежащий на деле Радищева, недостаточность многих материалов, погребенных в архивах, долго не давали возможности взглянуть во все обстоятельства его биографии.

Г. П. Шторм, автор книги

«Потенный Радищев», поставил вопрос: когда Радищев закончил работу над «Путешествием...» — до ареста или же гораздо позднее? Многолетние разыскания в архивах и библиотеках позволили Г. П. Шторму утверждать: Радищев закончил работу над «Путешествием...» в последние годы своей жизни, и это отражено в особом рукописном списке его книги. Легенда о «духовном крахе» Радищева оказалась несостоятельной. Но в творчестве Радищева еще остается много неизвестного. И писатель-исследователь продолжает свои разыскания.

Г. П. Шторму недавно удалось обнаружить важные документы: из них видно, что самые секретные бумаги дела Радищева и почти всех других русских политических процессов второй половины XVIII века остались неизвестными исследователям, так как имели особое хранение. Эта находка буквально открывает дверь в целый мир поисков.

Сегодня «Литературная газета» публикует новеллы Г. П. Шторма, в которых писатель рассказывает о новых фактах биографии и творчества Радищева, основываясь на обнаруженных им неизвестных материалах.

ческие во всех состояниях, во всех степенях, во всех частях и подробностях, усугубленные вместе и трудолюбие и чувствительность, и сострадание. Душа и воображение открываются, все струны сотрясаются, все пружины приводятся в движение, и выходит Великий Человек».

Итак, главной профессией из всех названных автором оказывается деятельность, направленная на избавление общества от страданий. Такого деятеля он называет Великим — поистине радищевская мысль.

Автор статьи в заключение говорит, что он будет путешествовать, «пока хотя бы одно из таких добрых намерений исполнится», и что он имеет «время и способ видеть разные страны света». Это утверждение — явно камуфляжного и горько-иронического свойства, но есть в нем и аллегория: автор имеет в виду путешествие не только по чужим странам, но и по чужим культурам, книгам, законам, ибо (ср. записку Радищева «О законоположении») «везде есть некоторые законы, чтоб наполнять странности и книги прав».

Сопоставление этой статьи с одним из последних трудов Радищева — запиской «О законоположении» — вскрывает удивительную общность их основных идей.

«...не древнее, — говорит автор записки, — предпринимать путешествие в те страны, которые более других процветали и славились своими законоположениями. В таком намерении путешествовали Солоон, Линург, Пифагор...»

Рассуждая о пользе общения народов, в частности при составлении законодательства, Радищев объясняет смысл и пользу сравнительно-исторической географии, первый опыт которой в России был подготовлен, видимо, не без его участия «Обществом друзей словесных наук».

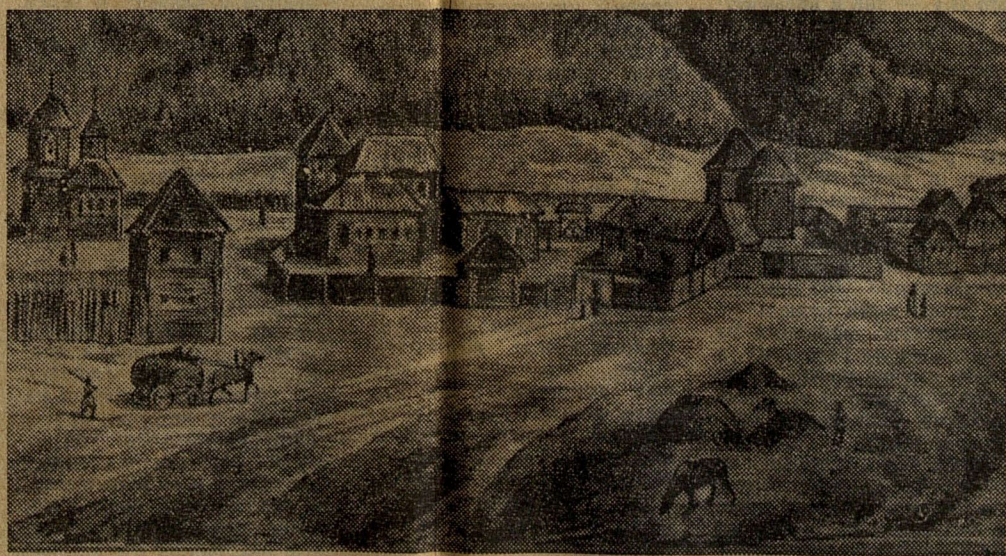
Так выявляется посредствующее звено между радищевским «Путешествием» и «Новейшим повествовательным землеописанием» и запиской Радищева «О законоположении». Это звено — статья «Путешествия», появившаяся в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» в 1797 году.

Ни редакторы журнала — П. А. Сохакин и В. С. Подшивалов, ни кто-либо из его сотрудников, судя по их тематике и стилю, не могут оспаривать у Радищева авторство этого анонимного сочинения.

По данным московской цензуры за 1797—1802 годы, можно считать, что 13-я часть журнала «Приятное и полезное препровождение времени» вышла в конце января 1797 года, то есть до возвращения Радищева из ссылки. Это значит, что если он является автором этой статьи, то должен был ее прислать.

От решающего вывода воздержусь только из принятой в таких случаях осторожности.

Добавлю лишь, что редактор журнала «Приятное и полезное...» П. А. Сохакин был, видимо, близко знаком с Радищевым через своего земляка и приятеля М. И. Антоновского. А по словам сына Радищева, Павла Александровича, его отец получал в Илимске этот журнал.

ИЛИМСК в XVIII веке. Рисунок пером. Из сибирских бумаг А. Н. Радищева.